

Новыя данныя изъ армянской литературы о Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой.

(Материалы для биографіи А. С. Грибоѣдова) ¹⁾.

Какъ рассказывалъ Агаларъ-ханъ, грамотѣ на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ онъ научился въ дѣтствѣ въ Тифлисѣ у протоіерея Дчграшенской церкви отца Петроса Теръ-Петросянца, который—какъ хорошій знатокъ грузинскаго языка—состоялъ у грузинскихъ царей, или лучше сказать, былъ при царскомъ дворѣ придворно-домашнимъ учителемъ; въ то же время былъ письменнымъ толма-

¹⁾ Въ полномъ собраніи сочиненій А. С. Грибоѣдова, т. I, стр. 334, изданномъ въ 1889 году подъ редакціей профессора Ил. А. Шляпкина, а также въ собраніи сочиненій того же автора, стр. 381, вышедшемъ въ 1892 году подъ редакціей извѣстнаго писателя Арс. Ив. Введенскаго, мы находимъ письмо Грибоѣдова изъ Казвина, отъ 24 декабря 1828 года, къ своей супругѣ Нинѣ Александровнѣ—въ то время жившей въ Тавризѣ—которое авторъ комедіи „Горе отъ ума“, между прочимъ, заканчиваетъ слѣдующими словами: „Прощай, безцѣнный другъ мой, еще разъ, поклонись Агалобеку, Монтису и прочимъ“.

Предметомъ настоящей статьи будетъ выясненіе вопросовъ: кто были этотъ Агалобекъ (или правильнѣе Агало-бегъ) и его жена Гѣозала-ханумъ и какую роль они сыграли въ дѣлѣ отъѣзда Нины Александровны Грибоѣдовой изъ Тавриза въ Тифлисъ послѣ звѣрскаго убійства ея супруга въ Тегеранѣ?

Отвѣты на эти вопросы мы находимъ въ книгѣ армянскаго писателя Галуста Шермазаняна.

чемъ армянскаго языка. А персидскій, арабскій и татарскій языки Агаларъ—какъ необходимый долгъ—изучалъ въ домѣ своего отца и, достигнувъ совершеннолѣтія, былъ назначенъ переводчикомъ при дворѣ грузинскаго царевича Георгія. Одинъ изъ грузинскихъ царей отнялъ у Эниколопянцъ ¹⁾ какія-то имѣнія; но старшій братъ Агало-бега мирза-Авраамъ, состоявшій переводчикомъ при грузинскомъ царѣ—послѣднемъ Иракліѣ, прилагаетъ стараніе и возвращаетъ эти имѣнія, и такъ какъ онъ не даетъ долей другимъ своимъ братьямъ, то между ними выходитъ разладъ; тогда Агало ссорится

Шермазанянъ написалъ книгу подъ заглавіемъ: „Знаменитые армяне въ Персіи“. (—Матеріалы для національной исторіи—). Тридцать девятую главу этого сочиненія составляетъ статья подъ заглавіемъ:

„Агало-ага, онъ-же Агаларъ-ханъ Эниколопянцъ“. Въ примѣчаніи къ приведенному заглавію Шермазанянъ пишетъ слѣдующее: „съ 1840 года по 1844 годъ въ Тавриздъ я былъ сосѣдомъ Агаларъ-хана; почти каждый день мы бывали другъ у друга, или онъ у меня, или я у него; вмѣстѣ обѣдали или ужинали; тогда я интересовался узнать отъ него не только его біографію, но и біографіи всѣхъ армянъ и грузинъ плѣнниковъ. Покойный обладалъ удивительно хорошею памятью: очень часто говорилъ и годы событій. Онъ былъ веселый рассказчикъ и любилъ каламбуры; его рассказы отличались остроуміемъ и были полны юмора.

Изъ слышаннаго отъ него мною было написано около ста листовъ, изъ коихъ бѣльшая часть пропала, и теперь что я пишу объ Агаларъ-ханѣ, то составляетъ или оставшееся въ памяти или пополнилъ изъ официальныхъ переписокъ“.

А въ самой статьѣ подробно излагается жизнь и дѣятельность Агало-бега и его жены сначала на Кавказѣ, а затѣмъ въ Персіи въ связи съ тою ролью, которую они сыграли въ дѣлѣ отъѣзда Нины Александровны изъ Тавриза въ Тифлисъ послѣ убійства ея супруга.

Какъ совершенно новый матеріалъ для будущихъ біографовъ А. С. Грибовѣдова, мы и перевели эту главу изъ книги Шермазаняна—за исключеніемъ той части ея, которая не имѣетъ никакого отношенія къ предмету нашей статьи—и дополнили тѣми разъясненіями, которыя необходимы для русскаго читателя.

Чтобы не повторяться, здѣсь мы считаемъ нужнымъ оговорить, что объ общественной и литературной дѣятельности Галуста Шермазаняна мы уже довольно подробно говорили въ журналѣ „Русская Старина“—за октябрь 1901 годъ (см. нашу статью: „Кончина А. С. Грибовѣдова по армянскимъ источникамъ“). М. Я. А.

¹⁾ Фамилія Эниколопянцъ дала много знатныхъ лицъ; кромѣ Агаларъ-хана, его братьевъ—Авраама и мирзы-Ростома, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, слѣдуетъ отмѣтить Манучаръ-хана, главнаго шахскаго евнуха, который въ 1820-хъ годахъ въ Гилянѣ при шахскомъ сынѣ Ягъ-Ча-Мирзѣ управлялъ намѣстничествомъ. (Ср. статью „О Гилянѣ“ А. С. Грибовѣдовъ. Полное собраніе соч. Грибовѣдова подъ редакціей профессора Ил. А. Шляпкина. Т. I, стр. 70, СПб. 1889 г.).

Примѣчаніе переводчика.

съ братьями и уѣзжаетъ въ Ахалцыхъ, гдѣ назначается у мѣстнаго паши переводчикомъ армянскаго, грузинскаго и персидскаго языковъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ онъ слышитъ, что русскія войска дошли до Тифлиса и, надѣясь, что теперь въ силу русскихъ законовъ сможетъ что-нибудь сорвать у брата, выдѣлить свою долю наслѣдственныхъ имѣній, оставляетъ Ахалцыхъ и ѣдетъ въ Тифлисъ; но видитъ, что его братъ человекъ съ высокимъ положеніемъ, назначенъ переводчикомъ русскаго областного начальника; по этому поводу Агаларъ говорилъ: „съ большимъ шумомъ и трескомъ я ѣхалъ, какъ будто долженъ былъ растерзать или задушить мирзу-Авраама; но, какъ только въѣхалъ въ Тифлисъ, съ одного и съ другого конца началъ знакомиться съ его дѣлами и убѣдился, что нѣтъ, дѣло мое опять дрянъ! тогда самъ про себя сказалъ: „Киракосъ, помалкивай, братъ; я и замолчалъ и очень сожалѣлъ, что пріѣхалъ изъ Ахалцыха, но что пользы, когда уже все кончено.

Привезъ съ собою нѣсколько пятаковъ денегъ и тѣ израсходовалъ, остался нищимъ; мыши начали плясать въ карманахъ то лезгинку, то мирзаю¹⁾; а люди думали, что я привезъ сто тумановъ²⁾ денегъ, поэтому въ день пять-шесть моцикуловъ, т. е. свахъ, приходили ко мнѣ съ предложеніемъ жениться. Но какъ было жениться! Чѣмъ я долженъ былъ содержать жену! Одна пришла и сказала: „Ифрумовы хотятъ выдать за тебя свою дочь, которая имѣетъ приданое въ 20 тумановъ.

— Развѣ, услышавшій о двадцати туманахъ, не женился бы?

Въ то время двадцать тумановъ равнялись нынѣшнимъ тысячѣ туманамъ. Я далъ слово, пошелъ въ церковь, посмотрѣлъ Геозалу (его жена), она мнѣ понравилась и я женился“.

Въ 1804 году начальникъ Грузіи узналъ, что Агало намѣревается тайно уѣхать въ Персію къ грузинскому князю Александру, поэтому приказалъ арестовать его, но когда слѣдствіе выяснило, что этотъ слухъ—клевета, его освободили изъ тюрьмы³⁾.

¹⁾ Мирзая и лезгинка—восточные танцы. *Примѣчаніе переводчика.*

²⁾ Туманъ того времени равнялся почти 4 рублямъ; а въ настоящее время туманъ въ Персіи равняется двумъ рублямъ и 50 копѣйкамъ.

Примѣчаніе переводчика.

³⁾ „Акты собр. Кавказ. арх. III т., стр. 232“. Агаларъ-ханъ говорилъ по поводу этого происшествія слѣдующее: „мы были рады, что избавились отъ грузинской клеветы, но нѣтъ! увидѣли, что клевета русскихъ побольше и опаснѣе“.

Примѣчаніе автора.

Генераль Несвѣтаевъ ¹⁾, узнавъ, что Агало когда-то былъ въ Ахалцыхѣ и знакомъ съ мѣстнымъ пашою и знатными лицами, въ 1806 году поручилъ ему одну оффиціальную бумагу на имя мѣстнаго паши Селима, чтобы Агало ее доставилъ и передалъ пашѣ кое-какія словесныя порученія; въ то же время просилъ секретно узнать отъ него, для чего идутъ тѣ военныя приготовленія, которыя дѣлаются въ Ахалцыхѣ? Агало это порученіе исполнилъ точно, поэтому Несвѣтаевъ обѣщалъ ему дать какую-нибудь должность; тогда Агало сталъ изучать русскій языкъ. Узнавъ же, что его братъ мирза-Авраамъ дѣлается помѣхою въ полученіи имъ должности, Агало въ 1808 году въ началѣ іюля уѣхалъ въ Эчміадзинъ и оттуда въ Тавризь къ другому брату мирзѣ-Ростому. Послѣдній представилъ его наслѣднику персидскаго престола Аббасу-Мирзѣ, который назначилъ ему ежегодное жалованье въ двадцать тумановъ персидскими деньгами (шестьдесятъ рублей русскими), подарилъ ему одну лошадь и приказалъ записать его куламомъ въ число своихъ личныхъ всадниковъ, назвавъ его Агаларъ-бегомъ.

Впослѣдствіи, когда Агало-бегъ сдѣлался Агаларъ-ханомъ, онъ съ гордостью повторялъ въ обществѣ: „я вступилъ въ Иранскую землю съ однимъ ружьемъ—кобачи, съ однимъ пистолетомъ, однимъ кинжаломъ, одною коростовою шашкою, одною буркою, съ однимъ исхудалымъ старымъ мериномъ и съ шестью монетами тифлискихъ абазовъ ²⁾ и со дня моего вступленія до смерти покойнаго

¹⁾ Генераль Петръ Даниловичъ Несвѣтаевъ извѣстенъ, какъ герой въ войнѣ съ персами и съ турками. Онъ представляетъ собою типъ генерала-какихъ въ описываемое время было и на Кавказѣ не много. Прежде всего это былъ человѣкъ непомѣрной доброты. Онъ велъ спартанскій образъ жизни, ѣлъ солдатскую пищу, былъ доволенъ самой убогой обстановкой жилья и все, что оставалось у него отъ генеральскаго жалованья, отдавалъ солдатамъ и своимъ бѣднѣйшимъ офицерамъ. Генераль Несвѣтаевъ былъ глубоко религіозный человѣкъ. Передъ сраженіемъ онъ нерѣдко обходилъ ряды, крестя готовившихся къ бою солдатъ. Умеръ Несвѣтаевъ въ разгарѣ турецкой войны, 17 іюня 1808 года, отъ желтой горячки. На Кавказѣ онъ носилъ прозвище „горскаго генерала“ и память о немъ надолго оставалась среди осетинъ и лезгинъ. *Примѣчаніе переводчика.*

²⁾ Абазъ—двадцатикопѣчная серебряная монета. Послѣдній грузинскій царь Георгій XII часто любилъ одарять своего повара абазомъ; по этому поводу академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ въ своемъ сочиненіи: „Георгій XII послѣдній царь Грузіи и присоединеніе ея къ Россіи“, изд. 1897 г. стр. 66. пишетъ слѣдующее: „очевидцы рассказываютъ, что Георгій, будучи уже царемъ Грузіи, сохранилъ свою привычку и страсть хорошо поѣсть. Обыкновенно, если онъ оставался доволенъ обѣдомъ, то призывалъ къ себѣ повара и, доставъ изъ кошелька или изъ длиннаго кисета, висѣвшаго всегда на поясѣ, абазъ, дарилъ его виновнику своего удовольствія“.

Примѣчаніе переводчика.

брата мирзы-Ростома, я велъ себя такъ скромно и жилъ такъ расчетливо, что послѣ его смерти правительство, питая ко мнѣ большое довѣріе, назначило меня преемникомъ покойнаго брата въ государственныхъ дѣлахъ, и народъ—какъ армяне, такъ и персы считали меня человѣкомъ безвреднымъ.

Представьте—мое годовое жалованье было двадцать тумановъ; если не сказать скупю, то такъ скромно я жилъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ собралъ тридцать тумановъ денегъ; взялъ и отнесъ Шермазану-агѣ, чтобы онъ, какъ вкладъ, сохранилъ въ своемъ ящикѣ.

Въ то время среди тавризскихъ армянъ богаче его и съ большей репутаціей, чѣмъ онъ, другого нельзя было найти. Юноши, я вамъ говорю, слушайте, человѣку безъ средствъ трудно, очень трудно собрать столько денегъ своимъ честнымъ трудомъ; а собравъ, деньги эти сами собою увеличиваются, приращаются, умножаются. Черезъ четыре года я пошелъ къ хранителю своего вклада узнать счетъ постепенно отдаваемыхъ ему денегъ, и увидѣлъ, что изъ всѣхъ отданныхъ ему денегъ на храненіе образовалась сумма въ 180 тумановъ.

А хранитель вклада безъ моего вѣдома мои деньги пустилъ въ торговлю; причитая проценты на проценты образовалъ 240 тумановъ. Теперь вообразите себѣ, какую радость я испытывалъ!

Мы только вдвоемъ знали, что я былъ такъ богатъ! а другіе, глядя на мой скромный образъ жизни, думали, что я имѣю тысячу тумановъ, скрытыхъ, зарытыхъ въ землю. Тѣмъ не менѣе, основываясь на этомъ мнѣніи, какъ самъ Аббасъ-Мирза, такъ и знатныя лица его двора, когда возникало дѣло о какомъ-нибудь спорномъ капиталѣ, дѣло это поручали мнѣ, какъ въ городахъ, такъ и внѣ городовъ. Поэтому, если я кончалъ подобныя дѣла между двумя спорящими сторонами, то десятая доля должна была достаться мнѣ—какъ вознагражденіе—кромѣ моего прокормленія и прокормленія моихъ всадниковъ и моихъ лошадей.

Архіепископъ Нерсесъ ¹⁾ (впослѣдствіи католикосъ) въ началѣ

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ своей книги Шермазанянъ—по поводу убійства А. С. Грибоѣдова—пишетъ слѣдующее: „неизвѣстное лицо въ письмѣ безъ подписи, адресованномъ изъ Тегерана аштаракскому Нерсесу (впослѣдствіи католикосу), описывая это печальное происшествіе, т. е. убійство посла, сообщало, что число убитыхъ достигало 54 человѣка; а русскіе официальные источники показываютъ, что число однихъ пришедшихъ на повски плѣнниковъ достигало 48 лицъ“.

1812 года ѣдетъ въ Тавризъ по дѣламъ Эчміадзинскаго престола и останавливается въ домѣ Агаларъ-хана, съ которымъ затѣмъ представляется персидскому правительству, какъ полномочный повѣренный и представитель Эчміадзина, наблюдатель за монастырями и ихъ недвижимыми имуществами и какъ совѣщательный членъ епархіальныхъ начальниковъ Адербейджана.

Послѣ этого, когда у Эчміадзина возникало какое-нибудь дѣло съ персидскимъ правительствомъ, онъ обращался къ Агало-бегу, который заявлялъ Аббасу-Мирзѣ и, получивъ отъ него приказъ, направлялъ его по принадлежности. Земляки-армяне подчинялись ему—Агало-бегу, какъ покровителю націи, и когда возникалъ какой-нибудь споръ, обращались къ нему, и онъ защищалъ ихъ, то заявляя объ этомъ Аббасу-Мирзѣ, то пославъ письменное уведомленіе соотвѣтствующему губернатору. Агаларъ-бегъ рассказывалъ: „каждый разъ, когда я представлялся Аббасу-Мирзѣ по какому-нибудь дѣлу, хотя никогда ему не предлагалъ незаконнаго дѣла, которое тотъ отвергъ бы, тѣмъ не менѣе по моему тѣлу проходила дрожь не отъ страха, а потому, что ему было извѣстно, что я былъ женатъ, и моя жена въ Тифлисѣ, и пока она жива, я не могу жениться; ему было также достовѣрно извѣстно, что на моемъ челѣ не написано вѣроотступничество, поэтому онъ, какъ мусульманинъ, сынъ своего вѣка, когда бы то ни случилось, объявляя какой-нибудь секретъ или давая совѣтъ, имѣлъ право усомниться во мнѣ, тѣмъ болѣе, что очень часто между нами имѣли мѣсто такіе совѣты и секреты, которые касались христіанскихъ государствъ.

Думая обо всемъ этомъ, я самъ себя пугался; не могъ придумать никакого средства, которымъ можно было бы избавить не только его, но и себя отъ кажущагося подозрѣнія, терзавшаго мою душу. Наконецъ, обсудивъ этотъ вопросъ, я попросилъ Аббаса-Мирзу, чтобы онъ написалъ или послалъ челоуѣка въ Эчміадзинъ къ католикосу Ефрему съ ходатайствомъ передъ начальникомъ Грузіи разрѣшить переселиться моей семьѣ изъ Тифлиса въ Тавризъ; такъ какъ моя жена однажды желала получить паспортъ въ Тифлисѣ, и ей не дали, мотивируя отказъ тѣмъ, что начальникъ края не приказалъ. Когда моя семья пріѣхала въ Тавризъ, я уже избавился отъ подозрѣній; какъ прежде не испытывалъ страха отъ Аббаса-Мирзы, предлагая ему какое-нибудь дѣло, или выслушивая отъ него совѣтъ или какой-нибудь секретъ“.

Дѣйствительно, жена Алагаръ-бега много способствовала поднятію чести и репутаціи своего супруга, тѣмъ болѣе, что Гѣозалаханумъ была умна, краснорѣчива и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательная хозяйка, поэтому и Аббасъ-Мирза разрѣшилъ ей свободно и смѣло

входить въ его гаремъ, гдѣ и дамы гарема ее принимали съ большимъ уваженіемъ и почетомъ, такъ какъ она не только умѣла исполнять хорошія рукодѣлія, но знала готовить сласти, чему обучила женщинъ гарема ¹⁾).

Итакъ, когда русскій посоль Грибовдовъ былъ убитъ въ Тегеранѣ, его супруга Нина Александровна ²⁾, будучи беременной, оставалась въ Тавризѣ. Аббасъ-Мирза былъ ошеломленъ и не зналъ, какъ поступить, чтобы супруга посла отправилась изъ Тавриза въ Тифлисъ и тамъ бы услышала вѣсть объ убійствѣ своего мужа.

Въ этомъ печальномъ дѣлѣ большое участіе принималъ англійскій посоль Макдональдъ ³⁾, такъ какъ онъ познакомился съ Грибовдовымъ еще въ Тавризѣ и очень уважалъ его супругу.

¹⁾ Здѣсь мы опускаемъ рядъ эпизодовъ изъ персидско-турецкой войны того времени, передаваемыхъ Галустомъ Шермазаняномъ, хотя и интересныхъ, но имѣющихъ мало отношенія къ предмету нашей статьи о Нинѣ Александровнѣ Грибовдовой, а лишь характеризующихъ того же Агаларъ-хана, личность котораго достаточно выяснилась изъ предыдущей части статьи и еще дополнится въ послѣдующемъ изложеніи.

Примѣчаніе переводчика.

²⁾ Ольга Крамарева въ своей диссертациі („Alexandre Sergiévitch Griboïédov, sa vie—ses oeuvres“, Thèse pour le doctorat, présentée à la Faculté des Lettres de l'Université de Paris par Olga Kramareva. Paris. 1907 an.) на стр. 123, такъ характеризуетъ Нину Александровну Грибовдову. „Dès 1822, Griboïédov avait fait la connaissance de la famille du prince Alexandre, et était devenu bientôt son ami. Nina vivait et se développait pour ainsi dire sous ses yeux; il était quelquefois son répétiteur de musique. Elle avait de très bons principes, était bonne, très belle, docile, et savait tenir son rang dans la société, quoiqu'elle n'eut pas une instruction qui pût intéresser Griboïédov. Elle était encore tout à fait jeune; elle n'avait même pas seize ans lorsqu'elle captiva le cœur de l'homme de trente—trois ans“.

Переводъ: „Съ 1822 года Грибовдовъ познакомился съ семействомъ князя Александра и вскорѣ сталъ его другомъ. Нина росла и развивалась, такъ сказать, на его глазахъ; иногда онъ бывалъ ея учителемъ музыки.“

Она обладала очень хорошими качествами: была добра, красива, покорна и умѣла поддерживать свое достоинство въ обществѣ, хотя она не имѣла образованія, которое могло бы интересовать Грибовдова.

Она была еще совершенно молодая; ей не было даже шестнадцати лѣтъ, когда она плѣнила сердце челоука тридцати трехъ лѣтъ“.

Примѣчаніе переводчика.

³⁾ Ср. Ад. Берже. „Смерть А. С. Грибовдова“—„Русская Старина“ за іюль 1872 года, стр. 173.

Макдональдъ пишетъ графу Паскевичу, между прочимъ, слѣдующее: „Бѣдная г-жа Грибовдова, невѣдающая еще о невознаградимомъ несчастіи, которое она понесла съ потерей мужа, имѣетъ пребываніе у насъ, гдѣ, какъ ваше превосходительство, такъ и скорбящіе родители ея могутъ быть увѣрены, не оставятъ приложить всѣ заботы и все вниманіе до устройства будущаго ея положенія“.

Потому онъ посовѣтовалъ Аббасу-Мирзѣ, по крайней мѣрѣ, найти женщину, которая была бы подругою супруги посла и постаралась бы убѣдить ее поѣхать въ Тифлисъ и тамъ разрѣшиться отъ бремени. Аббасу-Мирзѣ уже было извѣстно, что жена Агаларъ-хана (въ то время Агаларъ получилъ титулъ хана) Гѣозала-ханумъ, будучи землячкою супруги посла, настолько дружна была съ нею, что онѣ почти все время бывали вмѣстѣ; поэтому Аббасъ-Мирза и Макдональдъ приглашаютъ ее и наставляютъ, какъ имъ, т. е. Гѣозалъ-ханумъ и Агаларъ-хану, слѣдуетъ поговорить съ супругою Грибовдова—Ниною и въ заключеніе сказать, что въ Тавризѣ нѣтъ акушера, а потому было бы хорошо, чтобы она поѣхала въ Тифлисъ и тамъ разрѣшилась отъ бремени. Всякій можетъ представить себѣ, какой трудный былъ этотъ вопросъ, такъ какъ Грибовдова совершенно не желала безъ приказа ея супруга ѣхать въ Тифлисъ, тѣмъ болѣе, что отъ Тавриза до Тегерана былъ путь отъ 5—6 дней; она хотѣла испросить у супруга разрѣшеніе и потомъ поѣхать, а ей сказали, что посоль поѣхалъ съ шахомъ въ Хоросанъ. Какъ бы то ни было супруга посла послушалась ¹⁾ совѣта Агаларъ-хана и Гѣозалы-ханумъ, подъ условіемъ, чтобы и они также сопутствовали ей до Тифлиса.

Гѣозала-ханумъ—по совѣту Макдональда—временно согласилась, но въ моментъ отъѣзда она умышленно притворилась больною и

„Если я буду такъ счастливъ, что успѣю убѣдить ее отправиться вмѣстѣ съ г. Амбургеромъ въ г. Тифлисъ (что въ ея положеніи есть самое спасительное средство, какое она можетъ избрать), то въ предупрежденіе всякой случайности въ теперешнемъ ея положеніи, не оставляю поручить одному изъ состоящихъ при мнѣ медиковъ имѣть за нею неослабное наблюденіе до сдачи ея на руки роднымъ или тѣмъ, кому будетъ поручено озаботиться о доставленіи ея къ нимъ“.

Примѣчаніе переводчика.

¹⁾ Ср. Ад. Берже. „Смерть А. С. Грибовдова“—„Русская Старина“ за іюль 1872 г., стр. 204. „Удерживая Нину Александровну, писалъ Амбургеръ графу Паскевичу, отъ 10 февраля 1829 года, въ настоящемъ ея невѣдѣніи о ея несчастіи, я съ помощью англійскаго посланника уговорилъ ее ѣхать въ Тифлисъ. Англійскій докторъ, г. Кормикъ, ее сопровождаетъ, и я считаю обязанностью слѣдовать съ нею, о чемъ она меня просила, до нашей границы, гдѣ, я надѣюсь, она встрѣтитъ отца своего, котораго я предупредилъ“.

Сопоставляя письмо Макдональда съ письмомъ Амбургера, а затѣмъ съ изложеніемъ того же факта армянскимъ писателемъ Галустомъ Шермазаняномъ, мы предоставляемъ читателю самому судить о томъ, кто сыгралъ большую роль въ дѣлѣ отъѣзда Нины Александровны изъ Тавриза въ Тифлисъ.

Примѣчаніе переводчика.

осталась въ Тавризѣ, а Агаларъ-ханъ поѣхалъ ¹⁾ съ нею въ Тифлисъ, куда, какъ самъ говорилъ: „мнѣ было бы легче предводительствовать цѣлою арміею войска, чѣмъ провожать одну даму, да и то въ интересномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что я безъ сна долженъ былъ наблюдать, чтобы никто по глупости, или по невѣдѣнію не объявилъ Нинѣ о такомъ ужасномъ убійствѣ ея супруга“!

Пріѣздъ Агаларъ-хана въ Тифлисъ и его пребываніе тамъ въ теченіе мѣсяца у меня свѣжо въ памяти, такъ какъ онъ нѣсколько разъ былъ приглашенъ въ нашъ домъ; я въ нашемъ экипажѣ, называемомъ дрожками, отправлялся и привозилъ его къ намъ въ полдень къ обѣду.

Когда Макдональдъ узналъ о прибытіи въ Тифлисъ супруги ²⁾ посла, онъ отправился въ домъ Агаларъ-хана; его женѣ подарилъ брилліантовый перстень, а Аббасъ-Мирза послалъ ей кашемировую шаль.

¹⁾ Я хорошо помню день въѣзда въ Тифлисъ этой дамы. Я также со своими товарищами отправился навстрѣчу большой толпѣ служащихъ, назначенныхъ отъ персидскаго правительства сопровождать ее, которые были одѣты въ кафтанахъ изъ краснаго сукна.

Помню также, что самъ Грибовъдовъ, до отъѣзда въ Персію, два раза пришелъ въ Нерсесіанскую школу вмѣстѣ съ архіепископомъ Нерсесомъ, въ то время когда я *) тамъ учился.

Примѣчаніе автора.

²⁾ Какова была дальнѣйшая судьба супруги посла, это уже извѣстно изъ цитированной нами выше статьи Ад. Берже, см. стр. 205, гдѣ графъ Паскевичъ писалъ графу Нессельроде, отъ 6-го апрѣля 1829 года, слѣдующее: „жена Грибовъдова находится въ положеніи, не менѣе плачевномъ, чѣмъ его мать. Получивъ пагубное извѣстіе о его смерти, она разрѣшилась прежде времени младенцомъ, который жилъ только нѣсколько часовъ.“

Такимъ образомъ, потерявъ все и не имѣя никакого средства, она должна испытывать всѣ нужды, съ бѣдностью сопряженныя“.

И дальше, на стр. 206, читаемъ, а что ходатайство графа Паскевича было не безуспѣшное, видимъ изъ слѣдующаго: „въ январѣ слѣдующаго 1830 года получено увѣдомленіе графа Нессельроде о назначеніи вдовѣ и матери Грибовъдова, каждой по 5.000 р. асс. ежегодно пенсіи и, сверхъ того, единовременно по 30 тысячъ руб. асс. Спустя почти двадцать лѣтъ, а именно: въ августъ 1849 года, пенсія Нины Александровны, благодаря ходатайству тогдашняго намѣстника кавказскаго кн. М. С. Воронцова, была увеличена на 570 р. 50 к.; такъ что съ этого времени вмѣсто 5.000 р. асс. получала 2.000 р. сер. (письмо гр. Вронченко къ кн. Воронцову, отъ 19 августа 1849 года)“.

Примѣчаніе переводчика.

*) Подъ „я“ подразумѣвается самъ авторъ статьи—Галустъ Шермазанянъ.

Примѣчаніе переводчика.

Въ 1842—1843 годахъ младшій братъ шаха-Магомета Бехменъ-Мирза былъ назначенъ начальникомъ Азербейджана, который въ теченіе шести мѣсяцевъ испытывалъ своихъ новыхъ подчиненныхъ, поручая имъ разныя дѣла; но увидѣлъ, что всѣ оказались взяточниками и обманывали его. А одинъ только Агаларъ-ханъ нелицеприятно и безпристрастно исполнялъ и докладывалъ ему о положеніи порученныхъ ему дѣлъ, потому Бехменъ-Мирза избралъ его своимъ совѣтникомъ и приказалъ, чтобы каждый день, за исключеніемъ дней—пятницы и воскресенья (въ воскресные дни Агаларъ непременно посѣщалъ церковь) утромъ очень рано Агаларъ-ханъ отправлялся во дворецъ, представлялся ему, когда онъ бывалъ въ своемъ кабинетѣ. Агаларъ—согласно его приказу—приходилъ къ Бехмену-Мирзѣ; они совѣщались отдѣльно довольно продолжительное время и Бехменъ-Мирза ни одного приказа не подписывалъ, не посовѣтовавшись предварительно съ Агаларъ-ханомъ.

Но надо и то сказать, что хотя Агаларъ такъ былъ принятъ у шахзадэ, тѣмъ не менѣе онъ самъ не показывалъ вида, что близко съ нимъ, и какъ раньше, такъ и теперь, просто обходился съ окружающими.

Агаларъ-ханъ былъ благоразумный, осмотрительный и дальновидный человекъ; вотъ образцы его нѣсколькихъ простыхъ афоризмовъ: „своимъ языкомъ и перомъ себѣ зла я не причинялъ и всегда старался уважать людей не только выше себя положеніемъ, но и ниже,—такъ какъ и они мнѣ подобные люди. Въ разговорѣ во всякое время бывалъ пріятнымъ и мягкимъ, особенно съ иностранцами. Я на свѣтѣ лучше этой жизни не желалъ и не желаю имѣть до своей смерти. Чего ожидалъ въ молодости, слава Богу, теперь на старости лѣтъ полностью достигъ, т. е. подъ старость вести спокойный образъ жизни и передъ старшими пользоваться почетомъ и уваженіемъ.

Большихъ домовъ не строилъ и не воздвигалъ, чтобы другіе не позавидовали. До сихъ поръ двери открытыми не держалъ, расточительно не жилъ, не держалъ излишней прислуги, лошадей, муловъ, чтобы не впасть въ долги.

Взятки не бралъ, чтобы не стѣсняться передъ дающими. Когда меня называли жаднымъ, и не обижался; но въ годы молодости жилъ расчетливо; если чего лишалъ, такъ себя лишалъ, а не другихъ, если собралъ состояніе, то собралъ для старости и пр.“

Агаларъ-ханъ рассказывалъ, что послѣ окончанія русско-персидской войны, Аббасъ-Мирза послалъ меня къ генералу Панкратьеву ¹⁾

¹⁾ Никита Петровичъ Панкратьевъ, генераль-адъютантъ, родился въ Москвѣ въ 1788 году. Воспитаніе и образованіе получилъ дома. Восемнад-

по оффиціальному дѣлу. Этотъ послѣдній, узнавъ, что мой братъ Мирза-Авраамъ состоитъ главнымъ переводчикомъ начальниковъ областей и его сынъ Мирза-Ага (Михаилъ) также, во время войны, былъ переводчикомъ Паскевича, предложилъ мнѣ вернуться въ Тифлисъ, гдѣ смогу достигъ бѣльшей славы и почета и вести счастливую жизнь и пр.

Я отвѣтилъ, что у насъ есть поговорка: „кто въ сороколѣтнемъ возрастѣ научится музыкальному искусству, тотъ на томъ свѣтѣ будетъ играть свою музыку¹⁾. Я почти въ возрастѣ 40—45 лѣтъ, послѣ этого какую выгоду или службу могу сослужить вашему правительству, чтобы удостоился той славы и почета, которые теперь здѣсь имѣю?“

Персидское правительство за мою продолжительную службу обезпечило мое настоящее существованіе, поэтому, если бѣ ты былъ на моемъ мѣстѣ, согласился ли оставить эту настоящую счастливую жизнь и поѣхалъ бы въ Россію, рассчитывая на фантастическую будущность?

Послѣ заключенія мира, прибавилъ онъ, мой племянникъ Мирза-Ага сильно настаивалъ, чтобы я поѣхалъ въ Тифлисъ, но я ему повторилъ тѣ же слова, какія высказалъ генералу Панкратьеву.

Спустя нѣкоторое время армянинъ знатнаго происхожденія Лазарь Екимычъ Лазаревъ²⁾ совѣтовалъ мнѣ вернуться въ Россію,

цати лѣтъ отъ роду, Никита Петровичъ поступилъ волонтеромъ въ дѣйствующую въ Турціи армію; онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Русукомъ и дѣятельное участіе принималъ въ войнѣ съ Персіей и Турціей. Возстаніе поляковъ вызвало фельдмаршала князя Паскевича съ Кавказа, для командованія арміей.

На время его отсутствія, по Высочайшему повелѣнію, управление Закавказскимъ краемъ и командованіе войсками было ввѣрено Панкратьеву, по особому ходатайству Паскевича, и вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ генераль-адъютантомъ.

Н. П. Панкратьевъ скончался въ концѣ 1836 года, имѣя всего сорокъ восемь лѣтъ отъ роду.

Примѣчаніе переводчика.

¹⁾ Здѣсь Агаларъ-ханъ сказалъ то, что современный знаменитый грузинскій поэтъ Акакій Церетели образно высказалъ въ своей драмѣ „Тамара“. См. „Вѣстникъ Европы“ за октябрь 1892 г., стр. 580.

„Поздненько, братъ! Кто въ старости начнетъ,
Какъ мальчуганъ, учиться на човгури,—
Тотъ пѣсенку порядочно сыграть
На томъ лишъ свѣтѣ развѣ умудрится!
Я отжилъ вѣкъ! Мѣняться не пристало!“

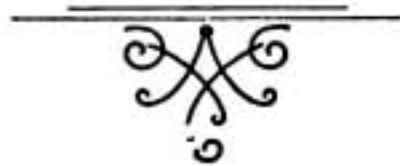
Примѣчаніе переводчика.

²⁾ Лазарь Екимычъ Лазаревъ, представитель богатой армянской семьи, переселившейся изъ Персіи въ Россію въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія; Лазарь былъ родомъ изъ Джульфы; онъ поселился въ Москвѣ съ

но я и ему отказалъ, какъ и другимъ. Агаларъ-ханъ скончался 26 іюля 1846 года и похороненъ передъ старымъ архіерейскимъ домомъ на сѣверной сторонѣ стараго сада въ церковной оградѣ—церкви св. Божьей Матери, находящейся въ крѣпости Тавриза.

Гѣозала-ханумъ умерла отъ холеры 26 октября того же года. Изъ жизни Агаларъ-хана каждый человекъ могъ почерпнуть много поучительныхъ словъ и примѣровъ; но повторяю, жаль, что собранное многолѣтними трудами исчезло и пропало.

Сообщилъ съ дополненіями М. Я. Алавердянцъ.

4-мя сыновьями и основалъ торговлю драгоцѣнными камнями; потомъ купилъ село Фряново, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, и завелъ тамъ огромную фабрику, снабжавшую Москву бумажными и шелковыми матеріями. Въ 1826 году на этой фабрикѣ было 800 рабочихъ. Сыновья его Иванъ и Іоакимъ основали въ 1815 году въ Москвѣ „Армянское Лазаревское Училище“, которое затѣмъ было преобразовано въ „Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ“ и построили 4 церкви въ столицахъ: 2 въ С.-Петербургѣ и двѣ въ Москвѣ.

Примѣчаніе переводчика.